

Просвещение в глобальной истории*

Рец. на: *Sarmant T.* 1715: La France et le monde. Paris : Perrin, 2017. 576 p.

Яков Лазарев

Даниил Манин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Lumières in Global History**

Rev. of: *Sarmant, T.* (2017). *1715: La France et le monde.* Paris, Perrin. 576 p.

Yakov Lazarev

Daniil Manin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The authors review T. Sarmant's *1715: La France et le monde* published by Perrin in Paris in 2017. The monograph is a new attempt to reflect on the history of France and Europe in a global context. The renewed interest in global history in France marked by the works of F. Norel, L. Testot, S. Gruzinski, etc. can be illustrated by the book under review. Sarmant broadens the understanding of European influence on the global historical process, which is especially relevant in studies of Russia's transformations in the eighteenth century. In the work, the researcher uses the accumulated material of French historiography to create his model of the French role in the formation of the modern world. The author also shows how the world of the eighteenth century was reflected in French culture and how France and its specificities were understood in other regions of the world. The study provides interesting conceptual observations that allow us to take a new look at the known events of world history.

Keywords: Lumières, global history, French culture, early modern period, France, Peter I

* Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

** *Citation:* Lazarev, Ya., Manin, D. (2021). The Lumières in Global History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 4. P. 1505–1517. DOI 10.15826/qr.2021.4.652.

Цитирование: Lazarev Ya., Manin D. The Lumières in Global History // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 4. P. 1505–1517. DOI 10.15826/qr.2021.4.652 / Лазарев Я., Манин Д. Просвещение в глобальной истории // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1505–1517. DOI 10.15826/qr.2021.4.652.

Рецензируемая работа Т. Сармана «1715: La France et le monde» вышла в парижском издательстве *Perrin* в 2017 г. Монография представляет собой новую попытку осмысления истории Франции и Европы в глобальном контексте. Процесс возрождения интереса к глобальной истории во Франции, отмеченный работами Ф. Нореля, Л. Тесто, С. Грузински и других авторов, может быть ярко проиллюстрирован данной книгой. Т. Сарман расширяет представления о влиянии Европы на мировой исторический процесс, что актуально в изучении трансформаций в России XVIII в. Исследователь привлекает накопленный во французской историографии материал для создания своей концепции о роли французского Просвещения и французской культуры в процессе формирования современного мира. Отдельно автор останавливается на том, как мир XVIII в. отражался во французской культуре и как Франция и ее особенности осмыслились в других регионах мира. В исследовании приводятся интересные концептуальные наблюдения, позволяющие по-новому взглянуть на известные события мировой истории.

Ключевые слова: Просвещение, глобальная история, французская культура, раннее Новое время, Франция, Петр I

Одной из важных составляющих развития исторических и общественных наук является создание историко-социологических моделей, через которые осмысляются различные глобальные изменения социально-политического и культурного плана. На сегодняшний день самые известные модели такого рода представлены, как правило, в англоязычной историографии (Ч. Тилли, Т. Манн; историки школы мир-системного анализа И. Валлерстайн, Дж. Арриги, А. Г. Франк и др.), отчасти они продолжают современной ревизионистской традицией в изучении глобальной истории (К. Померанц). Французские версии подобных историко-социологических моделей чаще оставались в тени, помимо фундаментальных работ Ф. Броделя (1902–1985), посвященных истории мировой материальной культуры, рыночной экономики и капитализма [Бродель, 1986–1992]. Представленные направления не получили дальнейшего творческого развития среди учеников Броделя и других французских историков в связи с событиями 1968 г. и отстранением историка от руководства журналом «Анналы»¹ [Афанасьев, с. 175; Рокхас, с. 138]. Тем не менее, научное наследие Броделя нашло благодатную почву в англоязычной историографии [Валлерстайн, т. 2, с. 8; Гуди, с. 247–248; Померанц, с. 17]. Именно англоязычные авторы задавали тренд изучения глобальной истории, в том числе и в современной Франции, несмотря на сохраняющееся среди французских историков недоверие к макроисторическим построениям [Une histoire du monde global, p. 5].

¹ Ф. Бродель и его труды воспринимались как символы уходящей эпохи доминирования социальных и экономических сюжетов в исторических исследованиях.

Среди работ, демонстрирующих современный макросоциологический потенциал французской историографии, выделяется монография Тьерри Сармана (Thierry Sarmant, род. в 1969), знаменитого в историческом сообществе Франции архивиста, доктора наук (PhD) университета Париж-1 [Sarmant]. Подход Сармана демонстрирует переход к более дифференцированному представлению о роли государств Европы в развитии мира с акцентом на роль Франции в знаковый для ее истории 1715 г. (год смерти Людовика XIV). Выбранный год является рубежом между *Великим веком*² и *веком Просвещения* (р. 15)³. По этой причине автор делает экскурсы в предшествующие (с последней четверти XVII в.) и последующие периоды истории, завершая свое повествование описаниями периода регентства во Франции и одновременных ему процессов в других регионах мира по начало 1720-х гг.

Монография состоит из введения, шести частей, выделенных хронологически (ч. 1 и 2) и географически (ч. 3–6), разбитых на несколько глав каждая, заключения и научно-справочного аппарата (примечаний, перечня ключевых событий, библиографии и указателя имен и географических названий). Первая часть монографии под названием *La guerre et la paix* («Война и мир», р. 27–116) посвящена тому, как шла к завершению война за испанское наследство и как политически развивался режим регентства во Франции. Во второй части *La paix et la guerre* («Мир и война», р. 117–198) анализируется эпоха мира (преимущественно на материале Великобритании и Священной Римской империи). За ними следует третья часть *Les empires immobiles* («Закостеневшие империи», р. 199–276) об истории исламского мира (Османской империи, Персии и Империи Великих Моголов). Четвертая часть, *La première puissance* («Первая держава», р. 275–334), повествует о Китае и его роли в мире (от Кореи, Японии и Вьетнама до России, Тибета и Малайзии). В пятой части работы под заглавием *Le cavalier de bronze* («Медный всадник», р. 335–394) описываются Россия времен Петра I и ее внешняя политика в период Северной войны (1700–1721). Наконец, шестая часть *Les horizons nouveaux* («Новые горизонты», р. 395–462) описывает историю Нового Света, функционирование путей сообщения с Индией и миграции по Европе и миру разных групп людей (миссионеров и рабочих, солдат и специалистов, религиозных меньшинств и политических диссидентов, мореплавателей и рабов).

Макросоциологический подход Сармана заслуживает внимания, так как благодаря ему создается историко-социологическая модель

² Великим веком во французской историографии обозначается период правления первых трех королей династии Бурбонов – Генриха IV, Людовика XIII и Людовика XIV. Он традиционно характеризовался становлением и расцветом абсолютизма, ростом французского влияния на международной арене и выдающимся развитием французской культуры.

³ Здесь и далее в тексте в круглых скобках указаны страницы рецензируемой монографии.

с акцентом на роли культуры, что сближает его с актуальным направлением *Новой культурной истории* (для которого также особое значение имеют культурные процессы). Наиболее ярко во французской историографии оно представлено трудами Р. Шартье [Шартье], а в рамках глобальной истории – публикациями Т. Брука [Brook]. Основная идея Т. Сармана заключается в том, что прогресс развития европейской культуры в XVII и XVIII вв. оказал значительное влияние на мир, которое мы ощущаем до сих пор: это появление системы конгрессов для предотвращения войн в сфере международных отношений (р. 191), начало постепенного триумфа рационализма в представлениях об устройстве мира, интенсификация связей между теоретическим научным знанием и его практическим применением (р. 472) и даже рождение исламского фундаментализма (р. 471).

Т. Сарман отмечает, что на его культурный подход оказала существенное влияние популярная концепция *Великого расхождения* (Great Divergence) К. Померанца (р. 22, 469), по которой доминирование Европы во многом определено событиями XVIII в. (наличие у Великобритании угля и доступа к колониальным ресурсам приводит ее к промышленной революции раньше прочих регионов мира [Померанц, с. 55–68]). Однако французский историк смещает акцент с экономики и экологии на триумф западной культуры в XVIII в. Т. Сарман понимает под ним широкое распространение европейской культуры и развитие ее любознательности («curiosité») (р. 471). Благодаря такой «любознательности» Запад (включая Россию) получил преимущество в знаниях о мире перед остальными регионами, что позволяет европейцам тиражировать и накапливать знания, через их капитализацию делать их более доступными, предоставляя возможность теоретическим трудам находить заинтересованных в их практическом применении читателей (р. 472). Несмотря на то, что влияние европейской науки на промышленную революцию учитывалось и в оригинальной концепции К. Померанца [Там же, с. 14], Сарман смещает акцент в этом расхождении Европы с прочими регионами мира с процессов внутри Великобритании на общеевропейские сюжеты, возвращая значение других регионов Европы для мировой истории.

Особое значение приобретают выбранные автором географические рамки исследования, очерченные концепцией *трех основных миров*, возникших в поздней Античности, среди них (1) *Европа* (христианский мир) с центром в Риме, включившая в себя Америку, (2) *исламский мир* от Марокко до Индонезии с центром в Мекке и владеющей ей Османской империи, (3) *Китай* и страны, испытывающие его влияние (в концепции Т. Сармана он наиболее могущественный среди таких миров). Последнее подчеркивает важную преемственность с концептуальным наследием Ф. Броделя, который также акцентировал внимание на необходимости удачного членения изучаемого пространства (с выделением его центра) и предполагал возможность

такого членения через различия в культурной сфере (концепция миров-культур) [см.: Бродель, 1986–1992, т. 3, с. 39–41].

Отправной точкой становится год смерти Людовика XIV. Именно 1715 г. в концепции автора демонстрирует в Европе переход от эпохи войн XVII в. к эпохе мира второй четверти XVIII в., начавшейся после окончания войны за испанское наследство и Северной войны. Схожая концепция ранее была представлена в работах Люсьена Бэли⁴ (Lucien Bély, род. в 1955), ее суть в том, что благодаря деятельности дипломатов и развитию идей международного права в конце правления Людовика XIV произошло установление длительного и относительно мирного периода европейской истории в первой половине XVIII в. [Bély, p. 12–14]. В концепции Т. Сармана значение этому переходу придает всемирный характер войны за испанское наследство, которого не было в предшествующих войнах XVII в. (p. 46).

Отдельно автор затрагивает проблему переплетения национальных и частных интересов в *государствах старого порядка*. В качестве основного примера преобладания частных интересов над национальными исследователь указывает на династические проблемы Габсбургов, когда лишь один неудачный наследник мог привести к упадку государства в целом (p. 165–166). Впрочем, с нашей точки зрения, австрийский домен Карла VI хотя и зависел от императорского статуса правителя и его династических владений, он все же был способен именно собственными ресурсами поддерживать притязания эрцгерцога австрийского на имперский престол (что в ходе войн середины XVIII в. продемонстрировала эрцгерцогиня Мария Терезия). Преобладание у Габсбургов династических интересов над национальными Сарман иллюстрирует неудачей проекта Остендской компании для торговли с Индией, который был принесен в жертву ради признания Прагматической санкции, в связи с чем был потерян шанс на приобщение Австрии к колониальным доходам (p. 174).

Исследователь видит и обратные примеры, когда национальные интересы преобладают над частными, например, в сближении Англии и Республики Соединенных Провинций, которое сложилось вопреки смерти Вильгельма Оранского; во франко-голландском торговом соглашении 1704 г., несмотря на войну между Францией и Соединенными Провинциями (p. 32); в поддержке населением Кастилии испанского короля Филиппа V Бурбона в войне с другим претендентом на престол Испании – Карлом III Габсбургом из-за покушения последнего на кастильские интересы (p. 38) и др. Как один из наиболее удачных примеров комбинации частных и национальных интересов Сарман обозначает политику британского короля Георга I, который вопреки якобитской оппозиции, нацелившейся на его немецкое происхождение, смог сохранить сотрудничество с Республикой Соединенных Про-

⁴ Люсьен Бэли – президент Ассоциации историков Нового времени (historiens modernistes) французских университетов.

винций и даже заключить союз с бывшим противником – Францией, создав прочную гарантию будущего европейского мира (р. 158).

Переходя к политическому развитию Франции, Сарман подчеркивает его амбивалентность (преобразования системы управления с переходом от министерств к регентским советам (р. 97), а также экономические реформы Дж. Лоу (р. 100), с одной стороны, возвращение системы министерств в 1717 г. – с другой (р. 100)). В эпоху регентства (1715–1723) автор видит важные изменения политического климата Франции, его либерализацию, что создает условия для расширения влияния скептицизма, появления атеизма Вольтера, а также развития особенного французского Просвещения, способного пойти на разрыв с религией (р. 114). Таким образом формировалось пространство для более свободного развития знаний, чем в эпоху Людовика XIV.

Особый акцент исследователь делает на влиянии определенных идей, напрямую связанных с происходившими изменениями. В отношении Европы он уделяет наибольшее внимание *проекту вечного мира*, составленному аббатом Ш. де Сен-Пьером (1658–1743) в 1713 г., рассмотренному ранее в работе Л. Бэли [Bély, р. 720–722]. Концепцию де Сен-Пьера Сарман сравнивает с предшествовавшими идеями единой Европы, высказывавшимися М. Сюлли, А. Сервьеном и последователями Г. Гроция и С. фон Пуфендорфа (р. 182–183), чтобы показать преемственность такого рода универсалистских построений в Европе и коренные изменения, произошедшие после появления концепции *jus gentium*. В ней автор выделяет соблюдение международных договоров, равенство европейских наций и дипломатический иммунитет. Именно благодаря таким концепциям, имевшим хождение и при дворе Людовика XIV (например, в лице маркиза де Вобана, знаменитого военного инженера и маршала Франции), стало возможным использование понятия *государственных интересов* («les intérêts des États») в разных сферах. Для автора этот аспект является ключевым в понимании глубинных изменений международных отношений, предопределившим длительную эпоху относительного мира. Из концепта государственных интересов исследователь выводит феномен международных конгрессов не только для завершения войн, но и для их предотвращения, первым из которых он считает конгресс в Камбрэ 1724 г., созванный для деэскалации конфликта между Австрией и Испанией из-за сохранившихся противоречий в Италии.

При рассмотрении государств Востока (Османской империи, Персии, Империи Великих Моголов и Китая) автор ставит задачу найти те предпосылки, которые не позволили им конкурировать с ведущими державами Запада в XIX в. Особое внимание уделяется внешнеполитическим факторам развития Османской империи. Исследователь учитывает наличие концепций об особом пути развития Османской империи (р. 200), однако ему важнее показать в ее изменениях именно предпосылки к будущему упадку, подводя к классическому для современной историографии тезису о закате империи вместе с за-

катом джихада, связанного с частыми поражениями в войнах с Западом (р. 224) [см.: Histoire de l'Empire ottoman]. Упадок Османской империи, проявлявшийся в периодических кризисах, не может прекратиться, в концепции Сармана, с наступлением чего-то подобного «эпохе тюльпанов» (1718–1730), то есть с началом заимствования отдельных военных и технологических достижений Запада, когда его культура остается чуждой обществу. Сарман считает, что без изменения самой *военной природы* («la nature militaire») Османского государства, в котором доходы знати во многом зависели от успешных войн, реформы отдельных аспектов империи не смогли ей помочь (р. 224). Одним из основных факторов кризиса Османской империи, по всей видимости, была его локальность: кризис преимущественно проявлялся в падении военного могущества и в центробежных тенденциях, тогда как хозяйственная жизнь продолжалась в нормальном ритме [Мейер, с. 205, 209, 212]. Именно военные поражения на протяжении XVIII в. поставили османское правительство перед необходимостью системных реформ, что особенно ярко проявилось в правление Селима III [Там же, с. 171–183]).

В целом Сарман характеризует Османскую империю как исключение на фоне прочих государств Азии, лишенных насущной необходимости противостоять европейцам. Все политические проблемы Персии в рассматриваемый период определяются автором исключительно через внутренние кризисы (р. 247), в первую очередь религиозные – борьбу шиитов и суннитов (р. 239). В то же время контакты Персии с европейцами носят нерегулярный и спонтанный характер, что не привело к традиции регулярных политических контактов со странами Западной Европы и сохраняло нестабильность дипломатических отношений. Например, сближение Персии с Францией было прервано смертью единственного посла – Мохаммада Резы Бега, покончившего с собой на обратном пути в Персию из-за побега его свиты с подарками для шаха (р. 233).

Третьим ключевым игроком исламского мира стала Империя Великих Моголов. В судьбе Могольской империи читатель может проследить определенные параллели с судьбой османов: джихад Аурангзеба против индуизма не приводит к закреплению в Декане к началу XVIII в., но порождает внутренний религиозный кризис державы Великих Моголов (р. 257) и, как следствие, приводит к персидскому завоеванию и разграблению Дели Надир-шахом в 1739 г. (р. 269). При этом европейский фактор настолько недооценивался в геополитической конкуренции, что руководимые идеей джихада Великие Моголы даже не ставили вопроса о проведении его против христиан (р. 266), а западные технические новинки, в свою очередь, их мало заботили (р. 270).

Среди неевропейских стран Т. Сарман наибольшее внимание уделяет Китаю. В отличие от мусульманского мира, Китай представляется для Запада как альтернатива, а не конкурент его цивилизационному развитию (р. 332). Китай был не только консервативным

обществом, но и вел свою параллельную Европе экспансию, направленную на Синьцзян и Тибет. Успех экспансии предопределил создание современного многонационального могущественного Китая. На этом основании автор проводит небесспорную параллель между западным и китайским империализмом (р. 296–297), приходя к выводу о наличии сходных процессов в сравниваемых регионах. Однако суть этого сходства остается нераскрытой. Раскрыть ее пытался, например, Дж. Гуди в концепции двойного евразийского доминирования Западной Европы и Восточной Азии [Une histoire du monde global, р. 8], которое может быть связано с географическими, экономическими и демографическими факторами: доступом к морским и океанским коммуникациям, наличием достаточных для мальтузианского развития ресурсов, большой концентрацией населения и другими факторами, выделяемыми К. Померанцем [Померанц, с. 47–58].

Отдельного внимания заслуживает описание положения Китая на международной арене. Несмотря на равноправный с Россией Нерчинский договор (р. 291), переориентации по отношению к другим европейским странам не произошло. Автор делает важное наблюдение: китайцы видели опасность в европейцах и не питали иллюзий насчет их формального данничества к ним (р. 313). Важно также отметить, что такая иллюзия, по-видимому, не успела возникнуть на фоне первого впечатления о португальцах, полученного китайской диаспорой в Малакке и донесенного до властей Китая прежде, чем выходцы с Иберийского полуострова успели закрепиться на Дальнем Востоке [Une histoire du monde global, р. 149–153].

Сарман обращает внимание, что китайцы, вопреки своей предубежденности по отношению к выходцам из Западной Европы, были активно включены в процессы формирования мировой экономики, например, заняли посредническую роль в индонезийских колониях европейцев, торгуя с коренным населением Филиппин, Индонезии, Вьетнама, Камбоджи и Сиам (р. 308–309). Несмотря на активные процессы в китайской экономике и торговле, исследователь все же склонен говорить о замедлении темпов развития Китая на фоне ускорения развития других регионов мира (р. 313–314).

Россия в авторской концепции Т. Сармана занимает особое место. *Феномен царя-реформатора* («le tsar réformateur») и перенос им в Россию европейских образцов автор считает наиболее успешными стратегиями, позволяющими не отстать от Европы (р. 466). Однако, выделяя Петра I как главного героя 1715 г. (р. 23) и первого, предвидевшего грядущую мировую победу европейской культуры (р. 466), исследователь упрощает процесс заимствования. Подход автора к оценке личности Петра I имеет длительную историографическую традицию во Франции [см.: Мезин, с. 109, 193–204], однако в этом отчасти идеологизированном образе не учитываются существенные предпосылки для вестернизации России XVII в.: это модернизация армии в первой половине XVII в. по европейским образцам [Курбатов], усилившаяся в середине

XVII в. связи с западнорусской интеллектуальной традицией [Киселева, с. 37–70], чему способствовала общая с Европой христианская религия, а также активное использование европейского опыта в дипломатии и торговле [Грабарь, с. 13–18, 26–29]. Несмотря на то, что автор сам отмечает наличие более ранних контактов России с Европой (р. 359), их результаты остаются сокрыты от читателя, хотя именно на этом этапе происходила и частичная рецепция идей «*jus gentium*», чему Сарман уделяет особое внимание в других главах (р. 183). Вероятно, заслугу Петра I стоит видеть не столько в прямом внедрении европейских идей, сколько в открытии для дворян перспектив знакомства с ними.

Сарман выделяет в качестве основания для заимствований в первую очередь самодержавие («*autocratie*»), которое представляло такое устройство общества, при котором реформы, подкрепленные волей монарха, не могут быть оспорены из-за своей связи с личностью государя, что дает преимущество в реформировании государства, например, перед Османской империей (р. 355–356). В данном аспекте историк не является первопроходцем, учитывая отечественные исследования [Каменский, с. 149–154], однако его подводит заикленность на Петре I как исключительном факторе преобразований и преувеличенной слабости османов. С нашей точки зрения, автор упростил два важных фактора – геополитический и религиозный. В рамках геополитической конкуренции войны Священной Лиги не поставили османское правительство на грань катастрофы, что произошло уже в правление Селима III. Именно при нем политика султана оказалась лишена социальной поддержки в связи с курсом на широкое заимствование достижений христианской Европы, который противоречил исламу [Петросян, с. 221].

Полемизуя с концепцией автора, следует отметить, что, в отличие от османов, для небогатого Российского государства XVII в. был «столетием поражений», заставлявшим царское правительство искать различные дипломатические комбинации и проводить постепенную модернизацию вооруженных сил. В немалой степени этому способствовало и христианское начало в русской и других европейских культурах. Последнее отразилось как на менее негативном восприятии заимствований, так и на активной европейской внешней политике (регулярная отправка посольств, стратегия породнения с европейскими дворами, например, подготовка брачного союза дочери Михаила Федоровича с шлезвиг-голлштинским графом, сыном датского короля Христиана IV [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 378]), наконец, активный трансфер через христианское пограничье (западнорусские земли) не только барочных культурных веяний [Киселева, с. 42–43], но также античной и византийской традиций [Киселев, 2013, с. 34]. К сожалению, эти аспекты русского XVII в. выпадают из поля зрения автора, что является заметным недостатком его работы.

В последней главе монографии исследователь добавляет финальные штрихи к своей историко-социологической модели глобальных

изменений. Через реконструкцию миграций людей в мире Т. Сарман демонстрирует свой взгляд на историко-культурное пространство в 1715 г. как на множество миров («mondes»), а не на единое целое. В концепции автора такое сосуществование разных миров продолжалось до 1860-х гг., а их объединение было связано с индустриальной революцией (р. 437, 466). По разным причинам люди перемещались внутри этих миров и между ними, создавая предпосылки к будущему объединению мира, накапливая знания о нем. Из разнообразного спектра причин наиболее интересна для исследователя любовь европейских элит к путешествиям, проведение так называемых *гран тур* («Grand tour») с 1670-х гг., хотя он и отмечает, что последнее носило сугубо элитарный характер (р. 444–445), но все же проявляло ту самую европейскую «любопытность». Определенное культурное единство Европы подтверждается и распространением французского языка, успехи которого автор связывает с ростом интереса читающей публики Европы к франкоязычным трудам (р. 448). Похожая точка зрения на популярность французского языка из-за богатства франкоязычной литературы действительно существовала еще у современников, именно так французский дипломат де ла Невилль в 1689 г. обосновывал А. А. Матвееву необходимость обучения французскому [см.: де ла Невилль, с. 482].

Переходя к выводам, следует отметить, что основное достоинство работы Тьерри Сармана – параллельное рассмотрение всех «миров» в фокусе Франции и Франции – в картине всего мира, развивающее концепцию Ф. Броделя, согласно которой не может быть написана история Франции без истории всего мира [Бродель, 1994, с. 10]. Такой подход решает основную задачу монографии и дает ей логическую целостность, несмотря на многообразие описываемого материала. Изучая каждую страну и регион, исследователь показывает особенности взаимодействия страны с французами или европейцами в целом, а также представления французов об этой стране. Так, автор позволяет увидеть определенные связи между мирами, еще не связанными окончательно последствиями индустриальной революции, которая сделает мир экономически объединенным, вследствие чего и более свободным для перемещения идей. Тем не менее, на фоне его виден и существенный недостаток: отдаленные от Франции регионы рассмотрены значительно менее подробно, например, такие важные для авторской концепции регионы, как Россия и Китай, что несколько искажает общую картину.

Тем не менее, автора нельзя упрекнуть во франкоцентризме, так как основополагающую для исследовательского подхода «любопытность» он подмечает и в других странах Европы, например, в России (не только у Петра I, но и у его сподвижников, например, у Феофана Прокоповича (р. 471)), что делает возможным рассмотрение места других стран Европы в мире XVIII в. Франция в рамках подхода Сармана в век Просвещения оказывается влиятельнее

на международной арене Франции Людовика XIV именно благодаря развитию в ней передовых идей (что не исключает развития таких идей и в других регионах). Идеи французских просветителей разносятся по миру, который меняется под их воздействием: множатся типографии и растет продажа книг, что делает мировой вклад «серебряного века» французской истории большим, чем века «золотого» (р. 476). Именно в развитии культуры, а не в экономических предпосылках Сарман видит причины складывания европейской гегемонии в XIX в., когда Западу, с точки зрения исследователя, была присуща «любопытность» (*curiosité*), а Восток ее потерял. В работе не всегда есть место для учета специфики распространения Просвещения, например, в России Монтеस्कьё, чьим идеям Сарман уделяет наибольшее внимание, часто оказывался вне круга доступного чтения [см.: Бугров, Киселев, с. 14–17]. Важным остается вопрос не только о том, какие идеи просветители старались транслировать своими трудами, но и что из них могли вынести разные читатели, особенно это актуально для переводов просветительских сочинений на другие языки. Автор не претендует на то, чтобы дать ответы на все вопросы развития мира, его труд оставляет после себя задел на изучение многих аспектов истории XVIII в. Монография полезна для всех, стремящихся ближе познакомиться с историей Франции и мира первой половины XVIII в. Она может стать важной отправной точкой для основания в современной французской историографии, а яркая концепция автора способна заинтересовать читателя в дальнейшем поиске ответа на вопрос, насколько важны достижения «серебряного века» французской истории для истории всего мира.

Список литературы

- Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. М. : Мысль, 1980. 279 с.
- Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 496 с.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация экономика и капитализм : в 3 т. М. : Прогресс, 1986–1992. Т. 1. 624 с. Т. 2. 632 с. Т. 3. 679 с.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? : Пространство и история. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 406 с.
- Бугров К. Д., Киселев М. А.* Естественное право и добродетель : Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с.
- Валлерстайн И.* Мир-система модерна : [в 4 т.]. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. Т. 2. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. 528 с.
- Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М. : Зерцало, 2003. 414 с.
- Гуди Дж.* Похищение истории. М. : Весь мир, 2015. 431 с.
- Де ла Невиль Ф.* Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л. : Лениздат, 1986. С. 471–529.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М. : РГГУ, 2001. 575 с.

- Киселев М. А.* Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Ист. вестн. Вып. 6 (153). 2013. С. 18–53.
- Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М. : Прогресс – Традиция, 2011. 471 с.
- Курбатов О. А.* Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в формировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы (XVI–XVIII вв.). СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2013. С. 231–249.
- Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 212 с.
- Мейер М. С.* Османская империя в XVIII веке : Черты структурного кризиса. М. : Наука, 1991. 261 с.
- Петросян Ю. А.* Османская империя : Могущество и гибель. 2-е изд., испр. СПб. : Наука, 2017. 350 с.
- Померанц К.* Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М. : Дело, 2017. 592 с.
- Рокхас К. А. А.* Критический подход к истории французских «Анналов». М. : Кругъ, 2006. 336 с.
- Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М. : Искусство, 2001. 224 с.
- Bély L.* Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris : Fayard, 1990. 907 p.
- Brook T.* Vermeer's Hat: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World. L. : Bloomsbury, 2008. 271 p.
- Histoire de l'Empire ottoman / sous la dir. de R. Mantran.* Paris : Fayard, 1989. 802 p.
- Sarmant T.* 1715: La France et le monde. Paris : Perrin, 2017. 576 p.
- Une histoire du monde global / sous la dir. de P. Norel, L. Testot.* Auxerre : Éd. Sciences Humaines, 2012. 448 p.

References

- Afanas'ev, Yu. N. (1980). *Istorizm protiv eklektiki* [Historicism versus Eclecticism]. Moscow, Mysl', 279 p.
- Bély, L. (1990). *Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV*. Paris, Fayard. 907 p.
- Belyakova, E. V., Moshkova, L. V., Oparina, T. A. (2017). *Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pechatnomu izdaniyu* [The Kormchaia Book: From the Handwritten Tradition to the Printed Edition]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p.
- Braudel, F. (1986–1992). *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm v 3 t.* [Material Civilisation, Economy, and Capitalism. 3 Vols.]. Moscow, Progress. Vol. 1. 624 p. Vol. 2. 632 p. Vol. 3. 679 p.
- Braudel, F. (1994). *Chto takoe Frantsiya? Prostranstvo i istoriya* [What is France? Space and History]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. 406 p.
- Brook, T. (2008). *Vermeer's Hat: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World*. L., Bloomsbury. 271 p.
- Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016). *Estestvennoe pravo i dobrodetel'. Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural Law and Virtue. The Integration of European Influence into 18th-Century Russian Political Culture]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 480 p.
- Chartier, R. (2001). *Kul'turnye istoki Frantsuzskoi revolyutsii* [The Cultural Origins of the French Revolution]. Moscow, Iskusstvo. 224 p.
- de la Neuville, F. (1986). *Lyubopytnye i novye izvestiya o Moskovii* [Curious and New Information about Muscovy]. In *Rossiya XV–XVII vv. glazami inostrantsev*. Leningrad, Lenizdat, pp. 471–529.
- Goody, J. (2015). *Pokhishchenie istorii* [The Theft of History]. Moscow, Ves' mir. 431 p.
- Grabar', V. E. (2003). *Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)* [Materials for the History of International Law in Russia (1647–1917)]. Moscow, Zertsalo. 414 p.

Kamensky, A. B. (2001). *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Eighteenth-Century Russia (A Holistic Analysis)]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 575 p.

Kiselev, M. A. (2013). Forma pravleniya i sotsial'naya ierarkhiya v rossiiskoi politicheskoi mysli XVII – pervoi chetverti XVIII veka [The Form of Government and Social Hierarchy in Russian Political Thought between the 17th and the First Quarter of the 18th Centuries]. In *Istoricheskii vestnik*. Iss. 6 (153), pp. 18–53.

Kiseleva, M. S. (2011). *Intellektual'nyi vybor Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti* [Russia's Intellectual Choices in the Second Half of the 17th and Early 18th Centuries: From Old Russian Book Learning to European Scholarship]. Moscow, Progress – Traditsiya. 471 p.

Kurbatov, O. A. (2013). Zapadnoevropeiskie voenno-teoreticheskie modeli XVII v. i ikh mesto v formirovanii russkoi armii [Western European Military-Theoretical Models of the 17th Century and Their Place in the Formation of the Russian Army]. In *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy (XVI–XVIII vv.)*. St Petersburg, pp. 231–249.

Mantran, R. (Ed.). (1989). *Histoire de l'Empire ottoman*. Paris, Fayard. 802 p.

Meier, M. S. (1991). *Osmanskaya imperiya v XVIII veke. Cherty strukturnogo krizisa* [The Ottoman Empire in the 18th Century. Features of a Structural Crisis]. Moscow, Nauka. 261 p.

Mezin, S. A. (1999). *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [A View from Europe: 18th-Century French Authors on Peter the Great]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 212 p.

Norel, P., Testot, L. (Eds.). (2012). *Une histoire du monde global*. Auxerre, Éd. Sciences Humaines. 448 p.

Petrosyan, Yu. A. (2017). *Osmanskaya imperiya. Mogushchestvo i gibel'* [The Ottoman Empire. Power and Destruction]. 2nd Ed., corr. St Peterburg, Nauka. 350 p.

Pomerants, K. (2017). *Velikoe raskhozhdenie: Kitai, Evropa i sozдание sovremennoi mirovoi ekonomiki* [The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy]. Moscow, Delo. 592 p.

Rojas, C. A. A. (2006). *Kriticheskii podkhod k istorii frantsuzskikh "Annalov"* [A Critical Approach to the History of the French Annales]. Moscow, Krug". 336 p.

Sarmant, T. (2017). *1715: La France et le monde*. Paris, Perrin. 576 p.

Wallerstein, I. (2016). *Mir-sistema moderna [v 4 t.]* [The Modern World-System. 4 Vols.]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniya i nauke. Vol. 2. Merkantilizm i konsolidatsiya evropeiskogo mira-ekonomiki, 1600–1750. 528 p.

The article was submitted on 04.04.2021